

Александр
Тамоников

**ЧУЖОЕ
ЗВЕРЬЕ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Чужое зверье / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-229769-4

Младший лейтенант СМЕРШ Алексей Савельев получает назначение в прифронтовую зону, где действует банда, оставшаяся после отступления гитлеровцев. По данным местного отдела НКВД, логово недобитков устроено на старой мельнице. Решено провести рейд и ликвидировать противника. Савельеву приказано прикрывать товарищей, которые должны первыми ворваться на мельницу. Однако в последний момент операция срывается: мельница оказывается заминированной, многие чекисты погибают. Похоже, врага кто-то успел предупредить. Подозрение падает на Алексея как на нового в этих краях человека... Молодому офицеру не остается ничего другого, как самостоятельно выявить и обезвредить настоящего предателя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229769-4

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

— Когда и как вы попали в немецкий плен?
При каких обстоятельствах?

Измощенный человек, не поднимая опущенной головы на худой, как ветка, шее, пробормотал в ответ:

— Вы уже это спрашивали. И я вам отвечал. Несколько раз рассказывал обо всем, называя даты. Каждую подробность, каждый шаг. Я все рассказывал.

Он наконец поднял на них глаза. В блеклом, потухшем взгляде бывшего военнопленного было столько тоски, что Алексею Савельеву, оперуполномоченному отдела контрразведки 134-й стрелковой дивизии, стало не по себе. Серые глаза мужчины были мутными — казалось, будто их затянуло туманом.

Измощенный мужчина, заключенный по фамилии Грошев, вдруг впился дрожащими руками в наголо обритую голову, так что вспыхнули алыми клочками шрамы, которыми был усеян его череп.

— Почему вы спрашиваете это снова и снова? Зачем? — в голосе несчастного не было злости, только безысходное отчаяние. — Я ведь пришел сам, я рассказал всю правду, ничего не скрыл. Ни про плен, ни про пытки, ни про вербовку абвера. За что? За что? — заключенный опустил голову и снова забормотал, тускло и жалостливо, словно читал унылую молитву.

Сидящий рядом с молодым контрразведчиком, младшим лейтенантом Савельевым, капитан Никодим Евстафьев резким окриком остановил эти причитания:

— Прекратить, Грошев! Немедленно! Я буду задавать эти вопросы столько раз, сколько понадобится. А ты будешь отвечать на них! Если хочешь, чтобы я поверил, что ты не работаешь на Гитлера! Когда и как попал в немецкий плен? При каких обстоятельствах? Отвечай немедленно! Рассказывай все подробно.

Несчастный Грошев поник, костлявые плечи совсем обвисли, мокрая от пота — из-за мучившей его лихорадки — грязная рубаха обтянула впалую грудь. Бывший немецкий военнопленный, а теперь узник советского фильтрационного лагеря, гвардии старший лейтенант тускло принялся повторять снова свой рассказ. Его младший лейтенант Савельев слышал вчера. И позавчера. И три дня назад. Они с капита-

ном Евстафьевым допрашивали Грошева по кругу вот уже неделю, повторяя одни и те же вопросы.

Первые три дня Алексей Савельев, совсем еще новичок в контрразведке, с интересом вслушивался в каждое слово. Он внимательно рассматривал сидящего перед ним мужчину: худой, как скелет, с дрожащими после контузии руками, покрытый шрамами, почти всегда смотрящий в пол Грошев вызывал у Савельева недоумение. Молодой мужчина никак не мог представить себе: неужели этот дерганый и какой-то погасший человек командовал ротой, отдавал приказы бойцам, вел их в атаку?

После шестого или седьмого допроса, с одними и теми же вопросами Евстафьева, одинаковыми ответами Грошева, Алексей заскучал. Будни контрразведчика при проверочно-фильтрационном лагере совсем не были похожи на то, что представлял себе Савельев, когда учился на курсах для сотрудников СМЕРШ.

Хотя оперативная деятельность была для него не нова: до войны комсомолец и отличник ГТО, Савельев успел отучиться два года в высшей школе милиции. Там он проходил практику в одном из районных отделов милиции, даже участвовал в качестве добровольца в захвате банды. Еще вместе с товарищами он патрулировал улицы как

дружинник, не раз ловил хулиганов и расплодившихся в городе воров и мелких грабителей.

Поэтому и свою будущую службу в новом подразделении разведки — СМЕРШ — парень представлял такой же интересной. Поиск и разоблачение шпионов, немецких агентов, перебежчиков и диверсантов, сбор оперативных данных, риск во имя советской власти и коммунистической партии, увлеченные своей службой товарищи с горящими глазами.

Ведь сам отдел контрразведки создали не так давно — в апреле 1943 года — по приказу товарища Сталина, после того как он получил донесение о большом потоке перебежчиков, диверсантов и власовцев, хлынувших через фронтową границу на территорию освобожденного от оккупации СССР. Немецкие шпионы были хорошо подготовлены, обучены азам вербовки, подрывного дела, сбора секретных данных. И у них было огромное преимущество — они мгновенно внедрялись в ряды военных, потому что сами были военными, обычными русскими офицерами и рядовыми. После мучительных и долгих пыток в нацистских лагерях некоторые из них соглашались на сотрудничество, становились агентами немецкого разведывательного отделения абвер, лишь бы прекратить бесконечные пытки. В пике новой разведывательно-диверси-

онной тактике армии вермахта и был создан отдел СМЕРШ.

А уже в сентябре этого же года первые курсанты подразделения контрразведки, а среди них и младший лейтенант Савельев, отправились после срочного обучения по местам распределения.

Молодой оперуполномоченный попал по распределению в проверочно-фильтрационный лагерь НКВД, где содержались советские военные, которые попали в плен к гитлеровцам, а потом смогли сбежать и найти дорогу назад. Сотрудники СМЕРШ проводили допросы, узнавая об обстоятельствах пленения и возвращения. Их задачей было понять — не является ли бывший военнопленный немецким агентом, не прошел ли он вербовку абвером и можно ли его снова включить в ряды действующей РККА.

День шел за днем, сентябрь перетек в холодный октябрь с первыми заморозками, а потом ледяной ноябрь, а вся работа молодого контрразведчика проходила в крошечном пыльном кабинете. Через мутные оконца заглядывало солнце, доносились голоса людей, иногда в стекла бился ледяной дождь, смешанный со снежинками. За окном была ключом настоящая жизнь, но в этом месте время будто бы застыло.

Ежедневно вместе с капитаном НКВД Евстафьевым младший лейтенант Савельев допра-

шивал советских военных, которые вернулись на родину из немецкого плена. Их содержали в бараках, водили под конвоем на допросы, хотя официально не называли заключенными.

Евстафьев и Савельев изучали личное дело каждого военного, узнавали обстоятельства плена. А через несколько дней или недель решали, действительно ли это он случайно попал в плен или все-таки возвращенец стал перебежчиком, является агентом абвера.

Каждый день офицеры меняли чью-то судьбу. Иногда накладывая резолюцию о том, что тот или иной возвращенец невиновен. А в отдельных случаях отправляя бывшего пленного из проверочно-фильтрационного лагеря в распоряжение военного трибунала, если сложилось мнение, что перед ними предатель, а не жертва фашистов.

Фронт, передовая были где-то далеко, жизнь лейтенанта Савельева вдруг превратилась в монотонную рутину — бумаги, допросы с однотипными вопросами, снова бумаги, обед и казарма. И так по кругу каждый день.

Но монотонная жизнь была для Алексея Савельева скучна и непривычна. Молодой мужчина провел два года своей жизни после призыва на фронт в стрелковой роте — в окопах, атаках, наступлениях и тяжелых марш-бросках. Поэтому для него было огромной тягостью видеть в изму-

ченых, бледных мужчинах потенциальных преступников, предателей и шпионов. Эти офицеры и рядовые ведь были тоже фронтовиками, как и он, обычными людьми, тоже сражавшимися ради победы над армией Гитлера.

Просто судьба повернулась к ним другой стороной. Эти несчастные люди не по своей воле, а из-за тяжелого ранения или контузии оказались в немецком плену, потом бежали, часто многократно, несмотря на пытки, лишения и голод в концентрационных и пересыльных лагерях. Оказавшись на родине, они снова становились узниками, такими же пленными.

Хотя фильтрационный лагерь официально не считался тюрьмой, но всем вокруг, в том числе и бывшим узникам, было понятно: они не герои сражений, не жертвы фашистов, а подозреваемые, в которых оперуполномоченные СМЕРШ пытаются распознать немецкого диверсанта.

Только у начинающего смершевца Алексея Савельева никак не получалось распознать в измученных людях предателей.

Ведь, будучи курсантом школы милиции, он видел на практике настоящих преступников, присутствовал при допросах. То были наглые урки, бравировавшие своими преступлениями, отвязные бандиты, жестокие и грубые. Сейчас же перед ним каждый день едва сидели от боли

и усталости, дрожали от унижения и несправедливости люди, которым не повезло попасть в плен. Обычные, изведенные голодом, пытками в немецких лагерях и тюрьмах, а теперь затравленные недоверием и бесконечными подозрениями.

Поэтому уже через неделю Алексей не мог поднять глаза на людей, которых ему приходилось допрашивать. При виде мужских слез, шрамов и рубцов, покрывавших их тела, от криков, полных отчаяния, ему становилось невыносимо тоскливо на своей новой службе в рядах СМЕРШ. А их рассказы про плен, про истязания и зверства в лагерях каждый раз вызывали у парня содрогание и ненависть к фашистам.

ГЛАВА 1

«Сам момент, как я попал в плен, я не помню. После прицельного огня я поднял в атаку своих бойцов, мы шли цепью. Как вдруг стало темно, и я слышал только звон, очень сильный звон в ушах. Потом помню, как упал от удара взрывной волны. Она меня уронила на землю — как течение, сбила с ног. По нам, наверное, ударила внезапно немецкая артиллерия. Точно не скажу, потому что ничего не видел и не слышал какое-то время. Меня оглушило. Помню, пытался опереться на что-нибудь, подняться на ноги, а руки как чужие — скребут по земле, но я не понимаю, как с ними управиться, они меня не слушаются. Меня контузило, почти сутки я ничего не слышал, может быть, больше. Воспоминание о том времени осталось в памяти какими-то урывками. С поля меня волокли под руки немцы, обшарили одежду, забрали оружие, а потом затолкали в гру-

зовик с другими пленными. Офицеров держали отдельно, там почти все были ранены. Людей было так много, что никто не мог лечь, все стояли. Меня зажало между соседями, было очень трудно дышать, пахло кровью, сильно пахло.

Утром, когда грузовик остановился и нам приказали построиться, больше половины пленных уже были мертвы. Кто-то от ран истек кровью, а кто-то просто задохнулся от тесноты. Того, кто не смог встать в строй, обессилевших, тяжело-раненых, там же, на месте, на наших глазах добивали. Их не расстреливали, просто били в затылок тяжелым гаечным ключом — сэкономили патроны. Я тогда смог встать. С пятого раза или шестого, я вставал и падал, снова вставал. Немецкий солдат занес надо мной ключ, но кто-то из толпы пленных подал мне руку, помог — и я удержался на ногах.

Нас долго куда-то везли. Наверное, целые сутки. И затем высадили в поле — это был просто клочок земли с пожухлой травой, где не было никаких построек — одна лишь ограда из колючей проволоки и охрана.

В этой полевой пересылке мы провели около месяца, спали на голой земле в той одежде, что попали в плен. Раз в сутки привозили два ведра с водой, четыре черствые ковриги и ставили за ограду. Каждый день пленные прибывали, от

десяти до пятидесяти человек. Но паек был тот же — два ведра и четыре ковриги хлеба. Мы сами его делили поровну на всех. Кусок с ладошку, потом с половину, через месяц в день мне доставался кусочек размером с половину моего пальца.

Мертвецы были кругом, люди умирали десятками. От голода и ран, их никто не лечил. Нам не разрешали хоронить тела, только дежурные оттащивали трупы за ограду каждое утро, чтобы охране было проще нас считать.

Мы строили планы побега: хотели разоружить охрану или отвлечь. Я готов был пожертвовать собой, умереть, подставиться под пули охраны, чтобы другие могли освободиться. Но гитлеровцы никогда не подходили к нам близко, боялись, что мы от отчаяния способны что-либо против них предпринять. Они даже сгоняли нас в кучу подальше от входа на территорию, чтобы поставить воду за ворота.

От страшного недоедания к концу месяца я почти уже не ходил. У меня выпала часть зубов, тело было покрыто язвами, в одежде и волосах ползали вши. Почти все время я лежал, полз на коленях только тогда, когда привозили паек.

Нас не избивали, нет, не пытали и даже не заставляли работать. Просто не кормили, не давали воду, одежду, укрытие, лекарства или возможность помыться. И это убивало медленно, по

капле. Ты жил, но был ходячим мертвецом без сил на побег или сопротивление. Каждый, кто прибывал в тот лагерь, проходил через это. Разговоры о побеге затихали через неделю. Люди начинали гаснуть. Они от голода и постоянного холода берегли силы — переставали разговаривать друг с другом, старались двигаться поменьше. К концу месяца они почти не вставали с места, лежали в забытьи от холода, голода, боли.

Тогда я перестал бояться смерти — наоборот, ждал ее, просил побыстрее забрать меня, чтобы прекратить это унижительное состояние. Но мое тело двигалось и жило вопреки всему. А в конце месяца, когда вся территория лагеря была заполнена пленными, нас построили в колонну и повели перегоним через лес к железной дороге. Чтобы никто не попытался сбежать, заключенных связали одной веревкой. Шаг в сторону для того, чтобы попытаться сбежать, — и за тобой тянется кучка таких же живых мертвцов. В общем вагоне заключенных пересылки везли почти пять суток.

Оказалось, что нас вывезли в тыловую часть оккупированной территории Польши. Там был построен лагерь: бараки, ограда из колючей проволоки под током, вышки с охраной. Печи для сжигания тех, кто не мог работать. Правда, на работу ходили не все — лишь рядовые, женщины, дети.

Офицеров, таких как я, заняли совсем другими делами. Неделю нам давали еду, жидкую баланду и хлеб, это помогло восстановить силы. Я мог встать сам, сделать несколько шагов. Думал, что нас кормят, чтобы мы могли работать вместе с остальными заключенными. Оказалось, что это не так. От нас фашисты хотели совсем другого.

Когда я смог сам сидеть или стоять, меня начали допрашивать. Так же как делаете это вы: часами, сутками одни и те же вопросы: часть, звание, как попали в плен. Когда я засыпал или падал, меня раздевали догола, выводили на улицу и обливали ледяной водой. Была зима, и вода сразу застывала ледяной коркой на теле.

После этого меня привязывали веревкой к огромному стволу, так, чтобы я не лежал на земле, не простудился и не умер от воспаления легких. Вот такая забота. Заводили руки и ноги назад, туго обматывали веревками. В такой позе я висел несколько часов на огромном бревне, голый, дрожащий. Мимо меня иногда проходили другие заключенные, их вели на трудовые работы или обратно в барак.

После «закаливания», как это называли фашисты, меня сажали в карцер. Это крошечная камера, метр на метр, где невозможно сесть или лечь. Там нет окон, туалета, ничего нет. Только стены в темноте и длинные царапины сверху дони-

зу — следы от тех, кто провел там, как и я, много времени... Очень много. Неделю или месяц я там был, не знаю. Все дни тогда слились в нечто серое, одинаковое.

Иногда меня выводили оттуда, чтобы избить или облить ледяной водой на морозе или подвесить головой вниз. Иногда не давали воды по трое суток, потом надевали на голову мешок, клали на спину и заливали через воронку ведро воды в рот. Ты захлебываешься и увертываешься от воды, о которой думал несколько суток. От жажды в карцере губы слипались, ужасно хотелось пить. Я лизал стены, чтобы хотя бы от их прохлады получить какое-то ощущение влаги. А потом увертывался в ужасе от потока воды, корчился и захлебывался.

Пытки длились всю зиму. Вернее, бесконечно. Допросы почти прекратились, вместо них были только пытки. А однажды меня вывели из карцера, дали штаны и завели в теплую комнату. Я с трудом смог сесть, потому что кожа на мне висела клочками после побоев. Немецкий офицер в очках поставил передо мной кружку с горячим чаем и положил листок. Сказал, если я подпишу его, то смогу выпить эту кружку. Целую кружку чая.

Это было соглашение на сотрудничество с абвером. Я подписал сразу! Не из-за чая, не из-за

пыткок, нет! Как только я увидел соглашение стать немецким агентом, то сразу понял — это мой шанс вернуться назад, на родину. Я не думал ни о чем, ни в чем не сомневался. Сразу решил, что соглашусь на всё, буду делать вид, что готов сотрудничать. Лишь бы вернуться назад, на территорию Советского Союза, выйти за колючую проволоку. А как только окажусь у своих, то сразу раскрою тайну, сдамся сам и расскажу все, что знаю.

Я — советский офицер, я гражданин СССР, я — коммунист и не хочу предавать свою родину. Мои родители, моя жена, мои дети живут в этой стране, я защищал эту землю от фашистов. И я не собирался предавать родину.

Эта бумага была лишь пропуском назад, для меня она ничего не значила, поймите. Зачем мне умирать в муках, предателем, трусом, пленным, если можно принести пользу своей родине? Это было так просто — всего лишь соглашаться на словах с сотрудниками абвера.

После того как я подписал бумагу, меня с еще десятью офицерами перевезли в отдельный лагерь в пригороде Польши. Там нам дали еду, кровати, одежду, сводили к врачу и в баню. Да, мне пришлось присягнуть Гитлеру на верность... Но я понимал, что это ложь ради спасения. Ни минуты я не собирался служить ему и германской армии.

Наоборот, я не хотел, чтобы кто-то и вправду мог стать шпионом в Красной армии, смог навредить ей изнутри. Поэтому всегда соглашался на все предложения, изучал любые материалы, что давали нам во время подготовки. Я помогал другим диверсантам с изучением немецкого языка. Я делал все это, чтобы узнать как можно больше информации. Потому что потом планировал передать сведения нашей разведке, я хотел быть полезным здесь. Мне не было сложно лгать и притворяться. Я ничего не чувствовал, ни страха, ни вины.

Знаете, мне иногда кажется, я остался там навсегда, в том карцере, где нет ничего, кроме темноты и стен. Я стал там живым мертвецом. Потому что ничего не чувствовал, абсолютно ничего, окаменел, застыл изнутри и снаружи.

В немецком лагере, когда нас обучали, как осуществлять диверсии, рассказывали о величии Германии и заставляли присягать на верность, мне не было страшно или стыдно. Только от единственной мысли становилось тепло на душе: я вернусь домой, я помогу своей стране, я снова буду собой. Все остальное — неважно.

По ночам я зубрил каждое слово и цифру, что услышал днем. Нас планировали раскидать по разным фронтам и подразделениям, сделали фальшивые документы. Каждому из перебеж-